

## ЧУДО И РЕВОЛЮЦИЯ

9–10 июня 2006 г. в подмосковном селе Левково Институт Восточной Европы провел конференцию «Государства и революция: Вектор перемен: влияние революций 1989–1991 гг. и 2003–2005 гг. на трансформацию государств Центральной и Восточной Европы». В дискуссии приняли участие Георгий Дерлугьян, Василий Жарков, Виталий Куренной, Борис Макаренко, Шамсудин Мамаев, Виталий Найшуль, Александр Погорельский, Александр Филиппов, Дмитрий Фурман, Руслан Хестанов. Основной целью конференции была верификация теорий революций в свете опыта политической эволюции последних десятилетий на постсоветском пространстве.

### ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Символическая борьба, развернувшаяся вокруг так называемых «цветных революций», поставила перед научным сообществом проблему: можно ли вообще в определенном политическом событии распознать революцию как таковую? Столь скептическая на первый взгляд постановка вопроса связана не только с недоверием ученых к собственному аналитическому аппарату и распространившемуся духу релятивизма, но и с пониманием, что научное сообщество имеет собственную политическую конституцию и демаркацию.

Открывшее дискуссии выступление *Александра Филиппова*<sup>1</sup> можно назвать развернутым методологическим предостережением, в котором была показана сложность самого процесса «опознания» революции в некотором политическом событии. Факт революции дан не всем и не сразу – он связан с восприятием и впечатлениями узкого круга наблюдателей, которые со временем могут получить широкое распростране-

ние. Таким образом, «революция», если использовать термин Ханса Блюменберга, не столько понятие, сколько *абсолютная метафора*. Иначе говоря, «научно-техническая революция», «сексуальная революция», «революция в образовании» не есть собственно революции, каждая из них – всего лишь *метафора*. Революциями в прямом смысле этого слова можно назвать только социальные события, происходящие в политическом пространстве.

Далее А. Филиппов обратил внимание, что признание некоего политического события революцией требует целого ряда условий. Во-первых, отдельные эпизоды в ходе революции должны быть представлены как некий единый процесс, объединяемый в общих рамках. Это должно быть Событие с большой буквы, включающее определенную последовательность важных исторических фактов, каждый из которых не имеет значения по отдельности. Во-вторых, революция как политическое событие прерывает череду обыденной жизни, она способна как к легитимному насилию, так и к восстановлению порядка. На-

<sup>1</sup> Подробнее см. статью: Филиппова А. Триггеры абсолютных событий // Логос. 2006. № 5.

конец, в-третьих, революция должна быть представлена как *абсолютное* (или сакральное) событие.

Самым парадоксальным, по мнению А. Филиппова, можно признать именно последнее условие. Революция, в отличие от иных политических событий, исключает наличие легитимного центра власти, она безусловна в череде политических событий, она несет голое насилие, не имеющее ни моральных, ни политических, ни экономических, ни каких-либо других оправданий. Как «радикальная цезура порядка», революция не может быть политически легитимной. Это всегда «прекращение существования», «смерть старого порядка», свержение одной легитимной власти и одновременно зарождение другой. Для того чтобы революция была воспринята как *абсолютное событие*, мало признать в ней смерть политического порядка — в ней надо разглядеть основания нового.

Вводимое А. Филипповым понятие «события-триггера» рельефно подчеркивает парадоксальность революции. У революции как *абсолютного события* не может быть ни «автора», ни «основной причины», ни каузальной цепочки. Вместо этого имеет место «критическое» событие, событие-триггер, которое не вызывает, но *индуцирует абсолютное событие*, т. е. предполагает переход в новый формат. Таким триггером может стать, например, невмешательство власти в беспорядки: рутинным, «привычным» действием власти служит именно противодействие беспорядкам, но власть поступает вопреки привычному образу действий и, по словам А. Филиппова, разрушает «фрейм суверенной власти».

В заключение докладчик поставил вопрос о критериях различий между революцией, бунтом и переворотом. По словам А. Филиппова, квалификация переломного события определяется тем, насколько радикально сломан «фрейм суверенной власти», легитимирующей политическое вмешательство: «Грубо говоря, если речь не может идти ни о какой модификации, восстановлении, переустройстве порядка, то предпосылки для того, чтобы вновь возникающий порядок был воспринят имен-

но как порядок постреволюционный, уже существуют».

Харьковского исследователя *Александра Фисуна* интересовал вопрос о том, были ли «цветные» революции» переходом от посткоммунизма к новому порядку. В своем докладе «Политическая экономия “цветных” революций: неопатримониальная интерпретация» он выделил три типичных подхода, известных современной политической мысли. Первый рассматривает «цветные» революции как демократический прорыв. Второй — как постсоветский вариант «бархатных» революций в Центральной Европе 1989 г. Третий квалифицирует их как завершение национальных революций постнаполеоновской эпохи, т. е. как буржуазно-демократические революции, движущие силы которых — европеизированный средний класс, выступающий против олигархической экономики и политического капитализма.

Назвав все три подхода различными формами нормативизма, А. Фисун показал, что они опираются на представления о «возможном обществе», которое возникает по их завершению. По его мнению, недавние революционные события — не более, чем определенная модель смены политического режима и «прорыв альтернативных элит» (Генри Хейл). А. Фисун предложил «контингентную модель революции», которая включает в себя единство следующих факторов: 1) фискального кризиса государства; 2) межэлитных конфликтов; 3) народных выступлений; 4) критической идеологии. Успех подобных революций, по его мнению, определяется в конечном итоге прочностью союза массовой протестной мобилизации и антирежимной элиты.

Причины «цветных революций» А. Фисун увидел в создании на всем постсоветском пространстве так называемых *неопатримониальных режимов*. Суть этих режимов определяется как «присвоение сферы управления официальными носителями власти, что приводит к тому, что государством управляют, как частным владением». Этнические, клановые, региональные, семейно-родственные связи не исчезают, а воспроизводятся в новых усло-

виях. Такую эволюцию пережили постколониальные государства Азии и Африки. Постсоветский неопатримониализм — хитроумная интеграция современных политических институтов, играющих роль фасада, и традиционных форм господства — система «капитализма родственников и друзей», как сказал бы Макс Вебер.

А. Фисун увидел ключевой конфликт «оранжевых революций» в противоположности интересов неопатримониальной бюрократии и рентоориентированных политических предпринимателей. Движущими силами революции он называет две группы политико-экономических элит: «аутсайдеров» и «мажоров». К первым он отнес левые и правые партии, интеллектуалов, мелкий и средний бизнес. Ко вторым — крупных предпринимателей, оказавшихся под фискальным прессом. Именно от этого тандема зависит успех революции.

Хотя ближайший аналог «цветных революций» вовсе не «бархатные революции» Центральной и Восточной Европы, а революции в странах третьего мира, А. Фисун выразил надежду, что неизбежная конкуренция старых и новых элит может стать основой перерастания неопатримониальной революции в революцию демократическую. Что привело бы к неизбежному распаду неопатримониальной системы и утверждению реальной, а не иллюзорной демократии.

В выступлении *Бориса Макаренко* была озвучена классическая схема восприятия революции с точки зрения теории модернизации и транзитологии. По мнению докладчика, политическая революция становится возможна там, где задачи прогресса и модернизации общества не могут быть решены «мирным путем». Сам момент революции, с его точки зрения, можно сравнить с ситуацией, когда колесо натывается на камень — общество получает сильную встряску, происходит слом старых отношений и институтов. Однако далеко не всегда революция служит делу модернизации, «если камень слишком велик, может сломаться колесо». Потому, в частности, революция начала XX в. в России носила в целом антимодернизационный характер. Власти,

заинтересованные в общественном развитии, во избежание революционных потрясений, должны заботиться, чтобы на пути модернизационных процессов не возникало слишком серьезных препятствий.

*Виталий Куренной*<sup>2</sup> обратил внимание на избыточность употребления понятия «революция», что, по его мнению, девальвирует его смысл. В своем докладе «Перманентная буржуазная революция» девальвацию революционного дискурса он связал с «имманентной современному капитализму тенденцией стирать историческую память о социалистическом типе революции, как возможности фундаментального переустройства общества». Очевидный смысл этой операции — утверждение безальтернативности буржуазного типа революции.

В. Куренной настаивает на необходимости реконструкции «чистой» революции, которая могла бы стать проявлением высококоразвитой идеологии социального протеста, а потому стандартом «подлинной революции». В качестве исторических аналогов таких настоящих революций В. Куренной готов назвать только Великую французскую и Октябрьскую революции. Первая ознаменовала переход к обществу буржуазного модерна. Вторая стала «осевым» событием XX в., о чем свидетельствовали масштабные атаки на него в постсоветский период. Все другие «революции» — локальны по своей смысловой значимости.

Важнейшим следствием дискредитации «чистой» революции стала невозможность помыслить альтернативу капитализму. Существующие ныне «антисистемные» теории не обладают цельностью и ясностью классического марксизма, не дают ответов на условия и основания протестного движения. Сам социальный протест ограничен заданными капитализмом рамками, который представляется в качестве единственно возможной политической системы. Антисистемные теории превратились в форму терапии Системы, которая канализирует критические интеллектуальные настроения в тексты, не имею-

2 Подробнее см. статью В. Куренного «Перманентная буржуазная революция» в этом номере.

щие практического смысла за пределами университетов.

Социализму не удалось стабилизироваться, поскольку он оказался неспособен превратить социальный протест и революции в структурные моменты своего существования. Современный капитализм — «общество, которое непрерывно линяет» — воплощение идей Троцкого о перманентной революции и идей Маркса о первичной роли базисных производительных сил. Капитализм обрел невиданную эластичность и невиданный коррупционный потенциал именно благодаря «перманентной» революционности.

«Цветные» революции, по мнению В. Куренного, оказываются возможными в тех регионах современного капитализма, которые не способны поддерживать имманентную революционность. Их можно назвать «механизмом экстагической компенсации в форме театральной революции». Участники соответствующих событий переживают катарсис мнимого преобразования и интенсификации общественной жизни. По сути, подобные «революции» — всего лишь психотерапия, снимающая спазмы социальной депривации. «Собственно такими эфемерными компенсациями, — заключил В. Куренной, — и исчерпывается их значение».

В докладе «Поколения и революции» Шамсудин Мамаев объяснил специфику «цветных» революций как стремление их акторов «обскакать историю», чтобы попасть в постиндустриальный мир, в «золотой миллиард». Эти события трудно назвать «творчеством масс», скорее они связаны с плагиатом элит. Ш. Мамаев обратил внимание, что лейтмотив «цветных» революций — мировой «дух времени», а не автохтонность и локальность. Только в этом смысле «цветные» революции в какой-то мере можно было бы назвать зеркальным отражением революционных событий 1917 г. в России и «Всемирной революции» 1968 г.

«Бархатные» революции происходили на периферии постиндустриального общества, считает Ш. Мамаев, и выступают фатальной неизбежностью, которая, по мере расширения границ постиндустриально-

го мира, будет становиться все более неотвратимой. Революции на постсоветском пространстве Ш. Мамаев охарактеризовал как постмодернистские — они виртуальны, поскольку не столько реагируют на суровый экономический кризис, сколько выступают упрямой имитацией «духа времени». Движущей силой революционного постмодерна выступает интеллигенция с новой посттрадиционной моделью, приоритетами самовыражения и прав человека, а не принципов экономической эффективности и государственного интереса. «Экзистенциальная безопасность», обеспеченная поздним социализмом, создала возможность постмодернизации для стран Восточной Европы и ослабила авторитарный рефлекс.

Ш. Мамаев напомнил, что в революции 1968 г. «застрельщиком» выступала студенческая молодежь, а ее энергетическим драйвом стала сексуальная революция и культурный конфликт поколений. Выдвижение студенчества на роль авангарда стало стереотипом для проектировщиков во всех «разноцветных» революциях на пространстве СНГ. Они пытаются оседлать динамику революционных процессов постмодерна, инспирировав «бархатный» конфликт поколений. Консервативной реакцией на 1968 год в странах социализма стало укрепление поколенческих бастионов — правление геронтократии, тотальный «склероз» коммунистической власти и, как следствие, процессы экономической стагнации и деморализации общества. Вот почему после запуска нормального механизма поколенческого обновления власти наступила эпоха «бархатных» революций.

Дмитрий Фурман<sup>3</sup> в докладе «Общее и особенное в политическом развитии постсоветской России и других стран СНГ» начал с типологии путей развития посткоммунистических стран. Центральная Европа пошла по пути создания правовой демократической системы, предполагающей борьбу различных политических сил в рамках

3 Подробнее см. статью Д. Фурмана «Общее и особенное в политическом развитии постсоветской России и других стран СНГ» в этом номере.

единых правил игры и ротации власти. В России же возникла система «безальтернативных президентов». Эта система не уникальна и имеет прецеденты в странах Азии, Африки, в некоторых странах СНГ за исключением Молдовы, Грузии, Украины, Кыргызстана.

Отсюда Д. Фурман выводит другое различие — между реальной демократией, свойственной развитым странам, и демократией имитационной — закамуфлированным в правовые и демократические формы режимом личной власти. Второму типу свойственно парадоксальное сочетание демократического дискурса с всеобщим недемократическим характером развития общества.

Столь странное сочетание Д. Фурман объясняет не тоталитарным прошлым, но скрытыми культурными и историческими причинами: посткоммунистические страны не могут похвастать опытом демократии, но имеют мощную традицию авторитаризма, тесно связанную с национальным самосознанием. Трудность перехода объясняется не только беспрецедентностью и новизной демократии, но необходимостью осуществления практически одновременно еще двух важных трансформаций: 1) перехода их социалистической экономики в рыночную и 2) от советской империи в современное национальное государство. Если к списку трудностей также добавить скорый распад СССР и психологическую неготовность к этому процессу, налицо все предпосылки социально-политического хаоса. В таких условиях особую императивную значимость приобретает стремление к «порядку», то есть к закреплению действующей власти — бывшей советской номенклатуры, с легкостью покончившей с коммунистической идеологией.

Политический образ действия многих президентских режимов личной власти продиктован особой логикой: они опираются на незаконные действия, что в перспективе означает для них возможность судебного преследования в случае утраты власти. Поэтому они вынуждены постоянно укреплять режим личной власти. На этот путь легко встать, но с него практи-

чески невозможно сойти. Результат такого политического процесса — превращение режима в квазимонархию, где почти неразрешимой технической проблемой становится механизм передачи власти, поиск удобного преемника. В принципе, это сценарий неуклонной деградации власти, которая утрачивает представление о реальных процессах в обществе, погружаясь в иллюзорный мир. Естественным следствием может быть «оранжевая» революция.

Конец таким режимам наступает изнутри, а не извне. Возможности воздействия извне ограничены объективными препятствиями и угрозой политического экстремизма. Хотя в качестве внешнего фактора влияния трудно отрицать демонстрационный эффект свободных стран, который подтачивает символические основания режимов личной власти, Д. Фурман указал на ресурсы демократизации внутри авторитарных режимов стран СНГ: 1) большая готовность постсоветского поколения к демократии; 2) существование оппозиции; 3) усталость от лиц, стоящих у власти, и желание отринуть имитационную демократию. Вовсе не случайно «цветные» революции начинаются как массовый протест против попытки фальсифицировать итоги выборов: власть, как правило, не рискует применить силу и сдается.

*Руслан Хестанов* в своем выступлении «Восстание сирот» связал «цветные» революции с перестройкой межимперских отношений на постсоветском пространстве. Процесс распада советской империи, по его мнению, далек от завершения. Недавняя волна революций свидетельствуют о новой фазе имперского распада, который охватил государства, возникшие на периферии — они переживают постреволюционную ситуацию, характерную для имперского ядра в 1980–1990-е гг. Новые национальные элиты, используя имперские практики администрирования, «фактически превратились в прежних колонистов» (Пьер Бурдьё).

Межимперским пространством Р. Хестанов называет то поле мутаций и неопределенности, которое возникло между двумя центрами имперского притяжения — Евро-

пейским Союзом и Российской Федерацией. Границы этого пространства не совпадают с границами национальных государств. К нему можно отнести часть территории Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, в том числе страны-члены ЕС. Революционные движения в Центральной и Восточной Европе трудно назвать вполне националистическими или национально-освободительными. Только с известной долей иронии их можно охарактеризовать как направленные против патримониалистских режимов — лишь постольку, поскольку они стали проявлениями новой *сифотской* политической культуры и клиентелистского капитализма.

Эрозия политических авторитетов, которая наступила в странах региона после крушения СССР, с одной стороны, вынуждает ЕС более активно заполнять сложившийся вакуум, а с другой стороны, порождает политическую культуру, которая в решении острых социально-экономических проблем больше не делает ставку на развитие собственной национальной государственности, но «выпрашивает» ту или иную форму протектората. Изначально даже задачу сохранения территориальной целостности элиты этих государств видели в доктринах имперского переключения (преодоление абхазского и югоосетинского сепаратизма грузинские элиты связывали с перспективой вхождения в ЕС). Поскольку возможности для стран региона выйти на новую имперскую орбиту ограничены, возникают крайне нестабильные государства переходного типа, которые Р. Хестанов называет «орфанскими».

Орфанное государство — это реальность многих постсоветских государств — существование, которое предшествует их европейской, славянской, евразийской или восточной сущности. На сегодняшний день уже не актуален раскол элит на модернизационное (западническое) крыло и традиционалистское, характерный для Центральной и Восточной Европы в недавнем прошлом. Модернизаторы еще недавно были настроены на *воспроизводство* в пределах своих национальных территорий зарубежных моделей успешного и устойчивого роста. Теперь они

иначе формулируют свои задачи: на первый план выдвигается интеграция с развитыми капиталистическими центрами. Нынешнее поколение модернизаторов в большей мере связывают будущее именно с рыночной интеграцией, интернационализацией финансов и с дальней торговлей. В таких условиях, характерный для прошлого раскол элит будет проходить не вдоль властной вертикали, но по горизонтали, то есть по разломам между социально-культурными мирами, регионами, этносами. Новая революционная перестройка будет представлять иной тип угрозы, которая уже кое-где реализована — территориальное дробление, процесс «балканизации», подразумевающую возможность последующего переключения на имперские центры.

## ДЕНЬ ВТОРОЙ

Конференция завершилась полемикой за «круглым столом». Дискуссию открыл *Василий Жарков*, связав позитивное отношение к революции до сих пор принятое массовым сознанием в России с традициями популярного общественно-культурного советской эпохи: «Революция — это возможность выйти на улицу и почувствовать историю, нечто значительное и захватывающее». Однако и до октябрьских событий русская интеллигенция воспринимала революцию как форму религиозного верования, особый культурный пароль. В результате 1917 г. был встречен как революция, хотя тогда ее, по сути, еще не было. В Советской России основные трансформации начались только в 1930-е гг., когда индустриализация и коллективизация действительно перевернули страну. До этого были только ужасы дикого и кровавого передела, а вопрос стоял только о власти.

Революция, по мнению В. Жаркова, выступает аспектом нашей культурной мифологии. От нее — мост к современности. «Цветные» революции — это воплощение привычной советскому человеку мифологии, отражение культуры сказочной революции Ю. Олеши. На этом фоне, возможно, правильно было бы говорить не о револю-

циях, а о политических кризисах различной степени тяжести, приводящих к неким долгосрочным последствиям. Историческая эпоха революций — это Новое Время, когда ставился вопрос о социальном равенстве. Если итог революционных событий — сохраняющееся неравенство, это означает конец революционного тренда.

Тональность и направление дискуссии определил призыв *Георгия Дерлугьяна* с большой осторожностью употреблять термины «империя» и «революция», поскольку они пришли в научный обиход из политического словаря. На его взгляд, они крайне редко используются по назначению и часто бывают неадекватны. Валлерстайн, по его словам, вообще полагает, что революций не было — были восстания. Горячо поддержав призыв к осмотрительности в словопотреблении, *Виталий Куренной* напомнил замечание Валлерстайна о том, что нормы современного научного дискурса — это «стерилизаторы», изымающие из языка прагматический аспект, превращающие язык из орудия социальной борьбы в специфическую игру по известным правилам. Однако это общее замечание классика американской социологии он проиллюстрировал на примере того, как университетская профессура создала миф о революции 1968 г.: «Не было никакой Великой революции 68-го года, поскольку в итоге не возник новый порядок. Была лишь ротация в университетской среде, произошел карьерный скачок некоторых интеллектуалов». Возможно, только ислам может предложить миру новый тип революции. Поэтому следует быть весьма осторожным в экспериментах с «цветной революционной анашой» в исламском мире. Революция — это важнейший социальный фактор, а не только аналитическое понятие.

*Александр Фисун* поддержал акцент на действительном характере вроде бы невинных понятий, заметив, что революция — способ политического действия, характерный для эпохи Модерна или выхода из нее. События 1968 г. — тоже революция, т. к. они коснулись не только академического мира, но привели к существенным изменениям в обществе, сдвигу в логике капитализма,

к его обновлению. С «цветными» революциями возникает некая неадекватность. Это локальный термин, означающий лишь форму изменения политического режима. Одно из самых больших заблуждений заключается в предрассудке, что движущей силой этих революций выступает средний класс. Как известно, средние классы в 1960–70-х гг. поддержали вовсе не демократическое развитие, а бюрократический авторитаризм. Этим классам нужны только стабильность и некая лестница, обеспечивающая подъем вверх вдоль шкалы ценностей потребления. В «цветных» революциях примечательна не роль среднего класса, а раскол элит и появления крупного бизнеса, автономного от государства. И этот раскол есть благо: конкуренция между хищниками — условие дальнейшего движения вперед. Только политическая конкуренция приносит демократические результаты.

*Дмитрий Фурман* вернул дискуссию к определению революции, поставив вопрос: когда некое событие уже есть революция, а когда еще нет? Великая французская революция беспрецедентна, и в силу этого она революция. Переворот — это переход власти из рук одной команды в руки другой, это нормальный политический процесс. Революция — это прежде всего слом устоявшихся правил игры. Смена партий у власти, сопровождаемая серьезными конфликтами, но если смены правил игры не происходит — речь идет о пограничном явлении. Революция может «увлечься», превратившись в насилие и геноцид, но такая динамика определяется степенью озлобленности масс. Позиция правящего сословия, не желающего уступать в малом, приводит в конечном итоге к радикализации новых сословий. Революция начинается с минимальных требований, а под влиянием масс завершается глубокими социальными трансформациями.

*Александр Погорельский* поддержал тезис о необходимости определения революции с точки зрения некоторого континуума. Однако он напомнил о значимой тонкости: когда говорят о переходе власти от демократической к республиканской партии, подобный переход находится за пределом

«видимого спектра» революции, поскольку это не революция, а обычный политический процесс. Признаком же революции служит резкое изменение, ломка правил игры, и это существенный признак революции. С другой стороны спектра А. Погорельский указал на массовое уничтожение населения в ходе революционных событий в Камбодже, когда увлечение насилием вывело эти события за рамки революции и трансформировало их в геноцид.

*Александр Филиппов*, поддержав тему континуума, напомнил, что для транзитологии 1990-х годов будущее России и других государств представлялось простым и понятным. Когда возникли некие странности в развитии новых государств, выяснилось, что теории, призванные работать на перспективу, не работают. На самом деле сегодня мы знаем не больше Платона: выявлены небольшие цепочки событий, но не их глобальное единство. В революциях есть два измерения: ретроспективное и перспективное. Когда мы в прошлом что-то определяем как революцию, — это и есть революция. Однако такая революция — это и возможность активного вмешательства в будущее переустройство мира.

В той или иной мере многие участники пытались спрягать революцию с современной Россией. По мнению *Виталия Найшуля* русской культуре свойственны консенсусные и авторитарные решения. Консенсус — «собор» — мощное, но и опасное средство. «Соборность», которую мы наблюдали в виде перестроечных съездов, похоронила старую систему советского типа. Такая соборность — крайняя, но иногда единственная мера. Однако в целом социальные институты не программируемы.

Их возникновение похоже на чудо — это историческая удача или счастливая конstellация множества событий. Этот тезис был подхвачен *Александром Погорельским*, который настаивал на том, что оптимальным для России представляется не революционный, а «верхушечный» путь переустройства, успешным примером которого является отмена крепостного права в России в 1861 г. Все попытки решать проблемы поиска консенсуса в форме собрания представителей народа (Учредительное собрание, съезды народных депутатов) неизбежно заканчивались кровью. Элиты, осознавшие сложность и актуальность назревших проблем, должны последовательно их решать. Должны приходить к согласию, обеспечивая гарантии неприкосновенности личности и имущества для представителей проигравшей стороны. Однако, к сожалению, стремление к консенсусу и договорное начало сегодня не работают.

*Руслан Хестанов* обратил внимание на то, что консенсус и договор могут работать только в искусственных и довольно редких оранжерейных условиях: четко расписанного правового поля, устойчивого status quo, внешнеполитической стабильности. Слабость доктрин демократизации в том, что они говорят о консенсусе или договоре там, где такие оранжереи невозможны. Поэтому необходимо учитывать драйв социальной стихии национальной жизни. Чтобы создать поле для политической конкуренции, недостаточно об этом только договориться. Нужны элементы коллективной координации, которые действительно граничат с чудом.

*Подготовила Наталья Просандеева*

## ОБ АВТОРАХ

**Михаил Николаевич Афанасьев** — доктор социологических наук, директор по стратегиям и аналитике Группы компаний «Никколо М». В 1991–1999 годах работал в Администрации Президента РФ. Автор книг “Триумф и кризис советской бюрократии” (1991); “Клиентелизм и российская государственность” (1997, 2000). Автор многочисленных статей в ведущих научных и политических изданиях России.

**Робин Блэкберн** — профессор экономики Эсекского университета (Великобритания); специалист в области истории рабства и формирования расовых идеологий и исследователь современных финансовых институтов. Основные работы: *The Overthrow of Colonial Slavery, 1776–1848* (1988); *The Making of New World Slavery* (1997); *Banking On Death* (2004); *Age Shock and Pension Power* (2006).

**Иммануил Валлерстайн** — заслуженный профессор Йельского университета; директор Центра им. Фернана Броделя по изучению экономик, исторических систем и цивилизаций; выдающийся представитель исторической социологии; автор концепции анализа мировых систем. Основные работы: *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб., 2001; *Конец знакомого мира*. М., 2003; *После либерализма*. М., 2003; *Раса, нация, класс*. М., 2003 (совместно с Э. Балибаром); *Миротемный анализ: Введение*. М. 2006; *The Modern World-System, vols. I–III* (1976, 1980, 1989); *Historical Capitalism* (1983); *Geopolitics and Geoculture* (1991); *Decline of American Power* (2003).

**Виктор Семенович Вахштайн** — MA in Sociology, старший научный сотрудник Центра Фундаментальной Социологии, научный сотрудник Института Социологии РАН. Около 20 научных публикаций в области социологии и социальной психологии. Директор аналитического отдела журнала «Платное образование».

**Крэйг Калхун** — профессор социологии Нью-Йоркского университета (США); с 1999 года — глава Исследовательского совета по социальным наукам; крупный социальный теоретик; исследователь национализма, новых социальных движений и истории социологии. Основные работы: *The Question of Class Struggle* (1982); *Sociology* (1989; в соавторстве с Д. Лайтом и С. Келлером); *Neither Gods Nor Emperors* (1994); *Critical Social Theory* (1995); *Nationalism* (1997).

**Виталий Анатольевич Куренной** — историк западной философии XIX–XX вв. Преполагает на философском факультете ГУ-ВШЭ, сотрудник Центра феноменологической философии РГГУ, научный редактор журнала «Логос», обозреватель «Политического журнала».

**Владимир Сергеевич Малахов** — декан факультета политической науки (с сентября 2005 г.), доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук (Отдел социальной философии и политической антропологии). Visiting Professor Международного центра наук о культуре (Internationales Forschungszentrum für Kulturwissenschaften) в Вене.

**Р. Таггарт Мерфи** — профессор международной экономики Университета Цукуба (Япония); в прошлом — инвестиционный банкир, вице-президент японского отделения *Goldman Sachs*; специалист в области валютной политики и экономических отношений США и Японии. Основные работы: *The Weight of the Yen* (1996) *Japan's Policy Trap* (2002).

**Максим Владимирович Момот** — окончил исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова. В настоящее время аспирант кафедры Новой и Новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ. Публиковался в различных изданиях, в том числе в «Логосе», «Русском журнале», «Апологии», «Политическом журнале», «Прогнозисе».

**Виктор Меерович Полтерович** — Академик РАН, зав. лабораторией ЦЭМИ РАН, первый проректор Российской экономической школы (РЭШ).

**Владимир Викторович Попов** — профессор РЭШ, зав. сектором Академии народного хозяйства при Правительстве России.

**Дмитрий Ефимович Фурман** — главный научный сотрудник Института Европы РАН, доктор исторических наук, профессор.

## SUMMARY

**Alexander Pogorelsky. The mechanics of revolution.**

Russian society is acutely aware of the inevitability of the changes which have come into being in the country. The question is, what kind of changes will they be – destructive or constructive, and especially, what long-term consequences will they have? Will they elevate Russia once more to the status of a world power, or definitively push it out to the periphery of world development?

**Dmitrii Furman. The general and the specific in the development of post-Soviet Russia and other countries of the CIS.** The author compares the political systems of the countries of the CIS, demonstrating a common logic in their formation, development and collapse, showing the prospects for societies when current regimes collapse, and also tracing the interconnectedness of processes within the CIS and the possibility of influencing them from outside.

**Mikhail Afanasiev. How to launch the long scenario.**

A victorious policy with a discouraging strategic outcome – that is the paradoxical formula of the current government, which reveals a key contradiction in the mechanisms of power in the Kremlin. The difficulty of bringing off long scenarios is not accidental, for it is linked with the destruction of our society's mechanisms for reproducing social subjects which are adequate to such scenarios.

**Charles Tilly. The foundation of Russia.**

The Russian revolution of 1986–1991 was a class struggle between workers and privileged officials. Victory fell to the lot of counter-revolution, since everywhere in the former Soviet Union, those same officials who under the old regime acquired their authority from the Communist Party, now either continue to possess that authority in the name of national sovereignty, or have exploited the experience, connections and access to goods at their disposal in order to begin entrepreneurial careers. The revolution in Russia is not yet over.

**Immanuel Wallerstein. The curve of American power.**

Since the end of the Second World War the world system has gone through three geopolitical stages. From 1945 to 1970 the United States exercised an unarguable hegemony in the world system. This began to decline in the years 1970–2001, but the degree of the decline was limited by the strategy chosen by the USA to slow down and minimise the consequences of its own loss of dominance. Since 2001 the United States has striven to resurrect its positions with the aid of a more one-sided policy which, however, has had the opposite effect, only increasing the speed and depth of its decline.

**Pavel Burmistrov. China: from a new strategy in Africa to global domination.**

Chinese policy in Africa, above all the real scale and pace with which its economic presence in Africa is growing, permit the conclusion that China is moving forward with confidence towards global leadership. The reason for the writing of this article is Beijing's latest promising move on the 'big chess board', which constitutes a declaration that it will acquire the status of a world superpower in the not too distant future.

**Immigration: opportunities and costs. Phillippe Martin and Manolo Abella interviewed by Ruslan Khestanov.** The central question is about the sources and scale of the

problem of migration in a globalising world, and also about the possibility of managing migration processes. The participants analyse the specific features of immigration in the USA and Russia.

**Robin Blackburn. Finance and the Fourth Dimension.**

Financialisation permeates everything nowadays – from corporate strategy to personal finance. The process of financialisation facilitates a distorted income redistribution which, in the author's opinion, will end in a general crisis of credit.

**Vladimir Malakhov. The present and future of 'national politics' in Russia.**

A particular form of political behaviour – 'national politics' – is a relic of the Soviet epoch. In order to understand the specificity of this phenomenon, one needs to turn to the intellectual heritage which has come down to contemporary Russia from the Soviet Union.

**Maksim Momot. The past of empires and empires of the future.**

What are the true causes of the rise and fall of empires? [*по-англ. в этом порядке!*] The author seeks to demonstrate the falsehood of the idea that empires must inevitably collapse, pointing to the rebirth of the Chinese empire and the phenomenon of the 'American empire'.

**Viktor Polterovich, Vladimir Popov. Democracy, institutional quality and economic growth.** Russia's primary task is to strengthen legal order, which can come about as a result of centralisation. The authors differentiate between democracy and legal order, i. e. an order founded upon laws and rules established by those in power.

**Taggart Murphy. East Asia's Dollars.**

The largest dollar reserves are held by the financial institutions of Japan, China, South Korea, Taiwan, Hong Kong, Saudi Arabia and the United Arab Emirates. If the dollar comes under threat of collapse, one or several of these countries will be compelled to alter their attitude to the American currency, which has held the international order together in the decades since the war.

**Alexander Fisun. The political economy of colour revolutions: a neo-patrimonial interpretation.** The wave of 'colour revolutions' in 2004–2005 drew a line beneath a period of development for post-Soviet states which was connected to the formation of neo-patrimonial political regimes. Mass revolutionary protest against arbitrary government led to the fall of the most fragile forms of competitive neo-patrimonialism (Ukraine, Georgia, Kyrgyzia), but at the same time, evoked attempts at reform from above in the less competitive neopatrimonial systems (Russia, Belarus, Kazakhstan, Azerbaidjan).

**Vitalii Kurennoi. Permanent bourgeois revolution.**

The contemporary capitalist system is oriented towards erasing the historical memory of socialist revolution as an opportunity for a fundamental socio-political reconstruction of society. At the same time, it looks as though there are no alternatives to the social order established by revolution of a bourgeois type.

**Tat'yana Zhurzenko. What have revolutions turned into in a globalised world?**

Why does no-one call the victory of Bolivian president Evo Morales a 'revolution', although it has a number of features in common with the 'colour revolutions' in the post-Soviet space? Because unlike the policy of the 'colour' revolutionaries, directed towards a recognition of Western norms and values, the leftist nationalism of Morales throws out a challenge to the hierarchy of the global order which has come into being.

## Где купить журнал «ПРОГНОЗИС»

По вопросам оптового распространения обращаться  
в **книжный магазин «ГНОЗИС»**  
Зубовский бульвар, 17, стр. 3, тел. 247-17-57

**Фаланстер.** Малый Гнездииковский пер., д. 12/27, тел. 629-88-21, 504-47-95

**Панглосс, библиоцентр.** ул. Пречистенка, 8/3, стр. 1, тел. 202-29-33

**Книжная галерея «Нина».** ул. Бахрушина, 28, тел. 959-21-03, 959-20-94

**«Историческая книга», магазин при Исторической библиотеке.**  
Старосадский пер., 9, тел. 921-48-95

**Ад Маргинем.** 1-й Новокузнецкий пер., 5/7, тел. 951-93-60

**Летний Сад.** ул. Б. Никитская, 46, тел. 255-01-98, 290-06-88

**Книжный киоск Института Философии РАН (1-й этаж).**  
ул. Волхонка, 14, тел. 334-40-57

**Книжная лавка обществоведа.** Нахимовский пр., 51/21.  
В здании ИНИОН РАН, тел. 332-47-25

400 экземпляров журнала рассылаются в университетские  
и научные библиотеки России